

Легар Баронович Рудый

**Порождение зла, или нет
страшнее врага, чем бывший
друг**

Легар Рудый

**Порождение зла, или нет
страшнее врага, чем бывший друг**

«Public Domain»

Рудый Л. Б.

Порождение зла, или нет страшнее врага, чем бывший друг /
Л. Б. Рудый — «Public Domain»,

Легар Баронович Рудый

Порождение зла, или нет страшнее врага, чем бывший друг

Хороший рассказ, написанный собакой

Слева в рёбра, чуть выше локтя, мелкими острыми зубами мне впилося маленькое, но очень вонючее существо. Пытаясь стряхнуть его, я резко крутанулся вправо, чтобы достать до него зубами. Из-за дерева молниеносно метнулась тень, и я ощутил на своём горле крепкие, опытные зубы, которые сжимались всё сильнее и сильнее. Воздуха не хватало, я захрипел... Прогремела длинная автоматная очередь. Зубы моего врага начали ослабевать, из его пасти пошла кровавая пена и, пузырясь, потекла мне на шею и грудь... Я глубоко вздохнул. Воздух с коротким щелчком очень больно продрался в мои лёгкие. Я поднялся. Вонючка всё ещё висела на мне, оцепенев от злости и страха. В ярости я схватил её зубами. Послышался треск ломающихся рёбер. Господи, ведь в два раза меньше зайца, а сколько злобы! Даже с переломанными рёбрами она крепко висела на мне. Пришлось с силой дерануть её и привычным движением несколько раз мотнуть головой. Тушка обмякла, обделалась и повисла. Я с отвращением бросил её на землю. В этот раз мои налитые кровью глаза увидели, как на нашего всеобщего любимца, Цыгана, бросились три лохматых и яростных пса. Не ощущая собственной боли, я с лаем кинулся в эту кучу...

В дверях показалось встревоженное лицо Папы. Не зажигая света, он подошел ко мне, сел рядом, обнял и, прижавшись лбом к моей голове, тихонечко прошептал: «Не надо, Рыжий, всё хорошо. Мы дома... Успокойся, а то сестрёнку разбудишь». Я, задержав тяжёлое дыхание, прислушался. Сестрёнка мирно посапывала. Её не разбудил мой лай, поднявший Папу.

Да когда же закончится этот кошмар!? Ведь мы уже 3 месяца дома, а ко мне почти каждую ночь приходят жутики прошлого. Мне стало не по себе. Захотелось, чтобы Пап поскорее ушёл. А он, не понимая этого, продолжал гладить меня. Мне так хотелось остаться одному. Пришлось хитрить. Я лизнул его в ухо, говоря: «Ладно, иди, я в порядке». Он потрепал меня по загривку и пошлёпал босыми ногами в свой «гамак».

Болели старые раны. Я лёг на прохладный пол и уставился в пустоту. Не хотелось видеть никого и ничего. Хотелось выть. Но этого делать нельзя!!! Когда же это кончится?!

С тех пор как забрали мальчика на войну, мать с замиранием сердца ждала возвращения отца, спускавшегося за почтой. Она старалась чем-то занять себя, чтобы сгладить остроту ожидания, надежды, страха. Тщательно простирывалось бельё, мылась посуда, тёрся и так блестящий как зеркало пол. Вот и сейчас перемывалась стопка посуды... Он вошёл, пряча глаза, небрежно бросил газеты на журнальный столик. Но по его напряжённой спине мать поняла – ПРИШЛА БЕДА!

Как в замедленной съёмке медленно поплыли вниз блюда и бокалы. Коснувшись пола, они поднимались вверх фейерверком мелких осколков и растекались по всей кухне. Медленно-медленно поплыли стены, судорожно раскрытый рот беззвучно кричал: «Сынок... Коленька... Нет! Нет!..» Она не потеряла сознание, не билась в истерике. Он подошёл, опустился рядом, как-то виновато расправляя скомканную бумажку. Это была похоронка.

– Не верю! – Лицо её стало жёстким и колючим. Всегда смешливые голубые глаза потемнели, приобретя цвет воронёной стали. – Сердце мне говорит, что это неправда! Я бы почувствовала... Да вот и Лютый среагировал бы.

Лютый, услышав свою кличку, вошёл в кухню и тут же располосовал свою лапу осколком стекла. Это был настоящий немецкий овчар, драчун, прекрасно выращенный и отдрессирован-

ный сыном. Николай собирался вместе с ним служить на границе, да судьба распорядилась несколько иначе...

– Иди. Обработай лапу Лютому перекисью водорода и залей зелёной, а я здесь пока подмету.

– Я сама! – Она с силой вырвала веник из его рук. А он, не зная как на это реагировать, немного потоптался по битому стеклу и двинулся, кликнув Лютого, в комнату.

Обработав и затянув довольно глубоко порезанную лапу, отец с каким-то страхом вернулся в кухню вслед за старым пуделем (ещё одним членом их семьи). Он ожидал увидеть что угодно, только не это – мать заводила любимые Колюшкины пирожки...

После десяти дней безрезультатного обивания порогов военкоматов, где никто толком не смог ей ничего сказать, мать потребовала от отца немедленно отправляться за сыном, живым или мёртвым.

– А как же работа? Выгонят! Чем жить-то будем? – пытался урезонить её отец.

– Да провались ты пропадом, размазня! Я сама пойду разгружать вагоны!

Это ему – боевому офицеру, всю жизнь командовавшему людьми, крепко понюхавшего пороха в «интернациональном долге»... Такого он от неё ещё не слышал...

Были изъяты все сбережения на свадьбу Николая и начало его самостоятельной жизни. Проданы все драгоценности и аппаратура. Отец с тяжёлым сердцем отправился, сам не зная куда...

Вместе со своими сверстниками переделся мальчишка в военную форму. Взяв в руки автомат, почувствовал себя героем, украдкой начищал рукавом новенький гвардейский значок. Ножка значка больно покалывала грудь, протыкая тельняшку и вызывая какие-то новые неизведанные ощущения значимости и всемогущества...

Геройство закончилось при первом же разорвавшемся близко снаряде. Дошло, что война – это не игра с игрушечным оружием. Он упал в липкую грязь дороги. Над головой со свистом пролетали пули. Штаны были мокрые не только от лужи, в которой он лежал. Не понимая, что он делает, он зажмурился и нажал спусковой крючок. Автомат заколотился в слабых руках, больно ударяя при каждом подскоке по лицу. Вся обойма была выпущена в никуда.

Так прошла ещё одна неделя его «боевой» жизни.

...Он очнулся под разбитой боевой машиной. Мучил острый, удушливый запах горелого масла и резины, запах металла и ещё чего-то незнакомого.

– Где я? Что со мной? – мелькнуло в голове.

В ушах стоял звон. Его стошнило. Он попытался встать на четвереньки, но не смог этого сделать. Руки и ноги были ватными и не слушались. Маленькая собачонка, взявшись неизвестно откуда, начала вылизывать его рвоту на земле. Рядом послышался стон с подвывом. Повернув голову, он увидел жуткую картину. Лежащий рядом солдат не имел лица. Это было сплошное кровавое месиво. Но ужасным было не это. Две небольшие собачонки отрывали куски, упираясь лапами в это месиво, совершенно не обращая внимания на стоны и дёрганье своей жертвы.

Молодому солдату, родившемуся и выросшему с собаками, воспитавшему прекрасного овчара, стало дурно до такой степени, что он снова потерял сознание...

Придя в себя, он мельком глянул на находившегося рядом. Передняя часть его головы была тщательно обглодана, от ушей к затылку всё висело ключьями. Собак рядом уже не было. То, что они творили, никак не укладывалось в голове. С трудом развернувшись, он пополз из машины наружу. Выбравшись, он совершенно выбился из сил и, закрыв глаза, опять провалился в небытие.

Его подхватили большие сильные руки, встряхнули, поставили на ноги, не отпуская. Он открыл глаза. Увидев камуфляжную форму, обрадовался. Но откинув голову назад, растерялся – чёрные бороды, пронзительно-тёмные глаза, зелёные ленты.

– Ещё один храбрый солдат Швейк! – сказал поднявший его боевик. В лицо ударил острый, как будто сконцентрированный, запах табака. Вокруг стоял дружный хохот.

– Давай знакомиться, сынок, меня зовут дядя Ислам!

Нет хуже врага, чем бывший друг...

Жили себе люди, делились хлебом и радостью, женились и выходили замуж... Но кому-то захотелось отмыть чёрные деньги в крови, столкнуть лбами соседей и друзей.

Вот и пришла ВОЙНА, разворотив дома, искалечив судьбы.

И не только людей...

Туго пришлось домашним собакам – большим и маленьким, служебным и комнатным, потерявшим всё. Им пришлось учиться спать на улице, пить из лужи, зубами отвоёвывать у дворняг своё право пользоваться помойками, очень быстро вливаться в стайки дворового общества, причём не без пользы для последнего. Ведь понятие «помойка», такое благодатное для бездомных в мирное время, в военное теряет свою актуальность. А кому лучше знать, где может лежать что-то съедобное в разбитой квартире или доме, как не бывшим домашним любимцам. Но это было тоже не долговечным, так как тут приходилось отвоёвывать своё право на мародёрство у бездомных и голодных людей.

Да уж! Голод – не тётка, а на войне случаются неубранные трупы. Одна собака попробовала, другая... Дурной пример заразителен. Ждали боя как чего-то светлого, отсиживаясь, однако, на приличном расстоянии, но при затишье подтягивались. Как-то незаметно была перейдена грань – мёртвый, тяжелораненый, раненый... Некогда домашние, собаки превращались в монстров-людоедов. Раненых и убитых всё же забирают и их тоже нужно отвоёвывать. Так зубы собак порой впивались и во вполне здоровых людей.

Редко, очень редко можно встретить человека, у которого не расширятся от страха зрачки при виде несущейся и прыгающей на него собаки. Тот, кто заявляет, что не боится их, либо не знает о чём говорит, либо нагло врёт. А когда человек сталкивается с собакой-людоедом, то говорить о стрельбе или бегстве просто глупо – наступает столбняк и полное безволие.

А у них появлялась тактика, нарабатывались приемы, распределялись роли и сферы влияния...

Вот уж поистине – нет страшнее врага, чем бывший друг. Зная повадки и психологию людей, эти собаки превратились в кошмар, так как перед каждой из стай, как снежный ком, катилась молва о нечистой силе, парализуя страхом даже самых смелых. Сразиться с ней мог либо робот, либо человек, поставленный в крайние условия, и такой случай произошёл...

Отец, в поисках тела сына, вновь прошёл все круги ада. И, в конце концов, через местных жителей, вышел на полевого командира, в отряде которого был его живой, пленённый сын. На предложение остаться самому вместо сына, на посулы денег и оружия, он слышал только ехидный смех, означавший отказ: «Сделаем обрезание, воспитаем, обучим, женим! Парень здоровый, крепкий – отличный боевик получится!»

Отец чувствовал, что не в силах больше бороться с желанием броситься и перегрызть горло насмешника собственными зубами. Он уже приготовился для прыжка, как снаружи раздался шум, беготня. Какие-то истошные крики. Вслед за командиром он выскочил в распахнутую дверь. То, что он увидел, повергло в шок.

Двух боевиков терзали собаки: дог и азиат сбили их с ног, ротвейлер и восточно-европейская овчарка прижали людей лапами к земле. Фокс и Керри давили горла, а всякая мелочь и средние собачонки, как пираньи, рвали их тела и внутренности на куски...

Кто-то из видевших это, с криками «Шайтан!» мигом оказались на деревьях, другие вломились в помещения, забаррикадив двери.

– Стреляйте! Почему не стреляете?! – кричал очумевший от увиденного отец...

Отец схватил автомат и, протиснувшись через дверь, выскочил на поляну, но собак там уже не было.

– Послушай, – раздался за его спиной голос командира, у которого от волнения появился сильный акцент. – Аллах велик! Я отдам тебе сына и ещё пятерых пленных если сможешь перестрелять этих слуг дьявола. Сделай это или умри, во славу Аллаха!

Как-то тревожно зазвонил телефон. Папа поднял трубку, и, сделав солидный голос, сказал:

– Алло... Вас-с-слушают!

Трубка заорала так, что Папе, с которого сразу слетела вся спесь, пришлось отодвинуть её на приличное расстояние. Трубка выдала длинную тираду с целой серией неприличных выражений, на что Папа, к моему удивлению, не сделал ни одного замечания. Костяшки руки, державшей трубку, побелели. Лицо вытянулось. Морщинка между бровями стала глубокой и образовала чёткий крест с серединкой другой морщины.

– Сколько у меня времени и где?.. Примерно на сколько? – спросил Папа. Трубка пальнула в ответ и неожиданно затихла. Возможно, мне так показалось после ора. Папа, сжавшийся как пружина, медленно повесил трубку и резко повернулся. Вид у него был не такой, как если бы надо на что-то быстро решиться, и не такой, как при сборах на охоту или на выставку, а какой-то совершенно незнакомый для меня. Он резким движением снял с антресоли рюкзак и начал наваливать на диван разные вещи, которые потом будут в него уложены. Затем он звонил в ветстанцию, аэропорт... Быстро обулся, занял у соседей денег и уехал часа на четыре. Вернувшись, Папа надел свой старенький камуфляж, а на меня ненавистный намордник, спасающий меня от людей, пропускающих в метро, самолёт, автобусы и электрички. Оставив записку Сестрёнке, мы двинулись на незапланированную встречу с телефонным матершинником. Им оказался довольно крупный мужчина папиных лет с суровым лицом, фамилия его, как и кличка собаки, была Лютый и очень подходила ему. И был он весь на нервах: резко двигался, отрывисто говорил, никогда не улыбался. Съехавшиеся мужики звали его, по-моему, несколько издевательски – «настоящий полковник». Но, на удивление, он не обижался на это.

«Настоящий полковник» собрал в условленном месте своих самых испытанных друзей, с которыми воевал или ходил в одной связке на восхождения. Они были надёжными мужиками без бравады: ценили и любили жизнь, но могли отдать её за друга, когда все другие возможности были исчерпаны. Все любили собак и приехали сюда со своими питомцами, взяв на себя ответственность за наши жизни перед Богом и своими семьями. И всё это для того, чтобы вернуть сына Лютого и ещё пятерых, никому не известных в этой компании мальчишек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.